

О. С. Данилова

Николай Бердяев и Пьер Паскаль: русско-французские встречи и воспоминания. 1918–1935¹

Личное знакомство французского «морального большевика»² Пьера Паскаля (1890–1983), прожившего в советской России с 1916 по 1933 г., с российским религиозным и политическим философом Николаем Бердяевым (1874–1948) пришлось на 1918 г., хотя, несомненно, и до этой первой встречи мыслитель и его творчество уже незримо присутствовали в жизни Паскаля. В мемуарах и записях того периода можно встретить следующие упоминания о Бердяеве.

«22 февраля. Заговорили с Л. Зандером о Бердяеве, о его книге “Смысл творчества”. Он думает об этом, как и я: “многое хорошо, многое плохо”. Бердяев чрезвычайно оригинальный мыслитель, “менее глубок, чем Бергсон, но насколько более оригинален”»³.

«17 мая. Вчера вечером был с визитом отец Г. Верховский. В этот раз говорили о московских славянофилах. Только что умер В. Эрн. Бердяев побывал в Париже. Там с ним мельком встречался аббат Порталь, равно как и с Мережковским»⁴. «11 июня. Счет из книжного магазина Тузова. 33 заказанных мной произведения, касающихся русской Церкви: жития святых, богословие, современные вопросы; или философии... Бердяев... Всего на 70 рублей. Это совсем недорого за такие сокровища»⁵.

В оригинале этого счета, сохранившегося во французских архивах, написано, что среди прочих Паскаль купил книгу Бердяева «Философия свободы» за 2 руб⁶.

Впервые Паскаль с Бердяевым пересеклись 2 апреля 1918 г. на одном из московских собраний по вторникам у последнего, тогда, собственно, и возникла сторонняя идентификация его «русскости», о чем Паскаль запишет: «2 апреля. Вечер:

**Данилова
Ольга Сергеевна,**
кандидат
исторических наук,
ассоциированный
исследователь
лаборатории
«Идентичности,
культуры, территории»,
Университет Париж VII
им. Д. Дидро
(Париж, Франция)

у Бердяева с Мальфитано. Удивительно, но мы нашли общий язык! Он говорит, что я более русский, чем он»⁷. На этом вечере Паскаль был, впрочем, как и ранее на заседании Французского института, с другом — сицилийцем Джiovанни Мальфитано⁸, видным ученым-биологом, синдикалистом, женатым на русской и близким семье И. И. Мечникова (1911)⁹.

Последующие встречи двух интеллектуалов носили также эпизодический характер, хотя и могли бы стать более систематическими. По свидетельству В. Сержа, на одной из встреч Паскаль с Бердяевым обсуждали принятие французом революции, за чем последовал его отказ возвращаться в октябре 1918 г. в составе военной миссии во Францию: «Лейтенант, атташе французской военной миссии в России, ответственный за шифровальный кабинет, он в разгар интервенции перешел на сторону революции и отдался ей душой и телом. Спорил с Бердяевым о мистическом смысле своего поступка, переводил поэмы Блока»¹⁰. Однако в личных записях Паскаля этот факт не отмечен, и вряд ли речь идет о первой встрече весной 1918 г., хотя сам Паскаль уже в 1970-е гг. ошибочно говорил, что их первая встреча состоялась 8 января 1920 г., а не ранее.

Итальянский исследователь и специалист по истории и культуре Восточной Европы А. Тамборра полагал: именно тот факт, что Паскаль был католиком и пламенным унионистом школы аббата Порталья, ощущавшим необходимость способствовать сближению с русским православием, и под влиянием митрополита Галицкого А. Шептицкого считавшим греко-католиков главными действующими лицами в диалоге православной и католической церкви, «заставлял умного и деятельного французского военного дипломата завязывать контакты в самых разных кругах — от Н. Бердяева, занимавшего непримиримую антиримскую позицию, и В. Эрна, до В. Экземплярского»¹¹.

В дневниках 1920 г., когда Паскаль еще придерживался коммунистической идеологии (он пришел в коммунизм, по его собственным словам, как в религию, пребывал в нем как в лоне церкви¹²), неоднократно упоминается о приглашениях к Бердяеву или на мероприятия с его участием: «7 января. Бердяев приглашает меня завтра вечером; должны говорить о западничестве и славянофильстве, тема не новая. Там должен быть Андрей Белый. Стало быть, я увижу изнутри самую просвещенную часть эмигрантов. Ничем не гнушаемся. Нужно собрать идеи, обновить свой запас. Уже слишком долго я заточен в своем пространстве. Это опасно»¹³;

«8 января. Интересный вечер. Я давно расчистил пути к бердяевским четвергам. Сейчас смогу идти безбоязненно: он меня приглашает посредником в споре со стороны Муравьева. После дел Группы¹⁴ — у меня своего рода ностальгия по интеллектуальной среде: рецидив? возвращение пса к блевотине? Это так же немного вина Бухарина, который направил меня в религиозную сферу деятельности»¹⁵;

«22 января. Я хотел пойти в этот вечер к Бердяеву, но не удалось из-за коммюнике, которое пришло в 8 часов 15 минут. Вновь муссируют тему отмены смертной казни»¹⁶.

В результате до арестов и высылки Бердяева они встретились лишь однажды, о чем Паскаль сделал следующую запись¹⁷:

«8 января. У Бердяева, человек двадцать присутствующих, почти половина — представительницы прекрасного пола. Буржуазная обстановка: люди в черных жакетах, правда один в русской рубашке под пиджакон, Муравьев в вязаной фуфайке и я в валенках. Тепло. На покрытом белой скатертью столе самовар и сладкая выпечка, за ним — восседает хозяйка дома. Лектор читает свой “доклад” согласно обычаю встреч такого рода. Я плохо улавливаю сюжет, так как не слышал начала, но речь идет о наболевшем: вечный вопрос о роли России. И в этой связи: Восток и Запад, революция и интеллигенция, Церковь и большевизм. Цитируют пророчество Леонтьева, что не Европа принесет революцию в Россию, а Россия в союзе с азиатскими народами принесет коммунизм на Запад. Упоминают Достоевского, Гоголя и “русский путь” (“русскую тройку”, несущуюся очертя голову”, — в тексте 1975 г. — *О. Д.*), даже Дурново. Я узнаю, что молодой докладчик, хорошо одетый, с ухоженной черной бородой, которая сама по себе также развивает его византийские логические рассуждения, это Кириллов, чью очень информативную книгу о старообрядцах я когда-то читал. Он и сам старовер.

Самая интересная часть — это, безусловно, обсуждение. Есть президент, который в записной книжке отмечает желающих принять участие в дискуссии. Среди помощников присутствует кадет Протопопов (Дмитрий Дмитриевич), только недавно, как мне рассказали, вышедший из тюрьмы, и который в самом деле говорит, что “несмотря на кровопролитие и все ужасы” и т. д. ... сейчас большевизм является мощным и по значению огромным. Бердяев (Николай Александрович), и большинство вместе с ним, полагают, что большая заслуга большевизма, “если таковая имеется” в уничтожении демократии. (“Мы являемся свидетелями краха двух доктрин: славянофильской и западнической. Началась абсолютно новая эра. Но никто не уточняет, что с этой эпохой станет” — в версии 1975 г. — *О. Д.*). Он считает, что в настоящее время не потерпело крах ни славянофильство, ни западничество, а несостоятельны обе идеи, так как наступает совершенно новая эпоха, черты которой он не случайно не достаточно хорошо определяет. (Название доклада, выбранное лектором, “В сумерках”, прекрасно свидетельствует о неспособности этих людей бороться с пустотой). Что касается выраженного Кирилловым мнения о том, что Россия совершила ошибку, вступив в союз с Антантой против своего естественного союзника Германии, о либерализме против монархии, то это позиция подавляющего большинства присутствующих. Это, в самом деле, поразительно. Общий тон по-прежнему пессимистичен; это упадок, гибель культуры, крах — все эти слова повторяются без конца. Против этого мнения возражает Муравьев. Молодой человек, настроенный так же менее пессимистично, думает, что в России будет хороший буржуазный режим; она обязательно

должна пройти через это, потому что она еще незнакома с европейской эволюцией. В пик либерального заблуждения, я больше не знаю, кто требует для России право и обязанность не подражать Западу, но обольщаться его подлинным режимом.

Бердяев удивляется тому, что большевизм реализовал мечту о “Третьем Риме”, обосновавшись в Москве. Что в Кремле будут Ленин и Троцкий, а не Булгаков и Эрн, это показательно; подделка истины! (Он возбужден, он приближается к истине, но не идет до ее конца, вместо того, чтобы найти эту вещь всего лишь смешной!)

Короче говоря, все они воспринимают большевизм очень серьезно, как феномен глубокой философской и человеческой ценности. Однако они живут идеей априори предвзятой и ложной и не стараются ее проверить никоим образом. Рассуждая метафизически о большевизме, они, эти “мыслители”, совсем не стремятся разобраться. И я не могу удержаться от дум о рабочих, солдатах, тех, которые создают, работают и реализуют усилие в страданиях и лишениях. Здесь начетничают и спорят о пустом за чашкой чая с пирожками. Конец света!

Слово предоставляют незнакомому мне Федору (внешность светского кутилы, безукоризненный жакет, полы которого свисают до земли), томно устроившемуся в кресле, привлечшему мое внимание гурманством. Делец, финансист, подумал я. А ведь он меньшевик, как я потом узнал. Это Череванин. Он, напротив, радовался, что большевизм, который ему ненавистен, потому что антидемократичен, ведет вопреки самому себе к демократии. Он пространно говорил в этом направлении. Он отмечает, что Германия — самая впрочем демократичная из других стран, поэтому она не познает большевизм (следовательно правые за Германию, как и меньшевики, но по разным причинам). Этот меньшевик со своим воротником, галстуком, с видом уставшего и богатого буржуа, сладострастник, гуляка — дивно типичный партиец. Я рад, что смог увидеть его.

Отец Владимир (Абрикосов) рассказывает несколько анекдотов, которые мне вряд ли под силу понять.

В полночь весь этот мирок, довольный собой, расходится. Вот какие круги еще существуют. Вечер при терроре! Если бы была хоть малейшая тень террора. Меня приглашают прийти туда вновь. Там обсуждают всевозможные вопросы: говорят об оккультизме, западном и восточном мистицизме, единстве Церквей, математике. Меня приглашают в “Свободную академию”, где преподают Бердяев, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Абрикосов (читает курс схоластики). Конечно, во всем этом что-то есть. Это по-прежнему Святой Тома с Суммой нашей эпохи, который необходим бы нам, чтобы совместить мысль и деяние настоящего времени»¹⁸.

Буквально через месяц, в феврале 1920 г., Бердяева впервые арестуют по делу так называемого «Тактического центра», к которому он не имел прямого отношения; кроме

того, ранее его уже вызывали для объяснений в ЧК как инициатора и руководителя Вольной академии духовной культуры. Следующий арест произошел в августе 1922 г., став непосредственным прологом к депортации. Паскаль же спустя год посвятит этому собранию у Бердяева главу «Вечер у контрреволюционеров» в своей агитационной брошюре «В Красной России. Письма французского коммуниста» (1920)¹⁹. По его же словам, текст этой главы был основан как раз на данной дневниковой записи.

Любопытна рецензия на эту книгу, вышедшая в ежемесячном критико-библиографическом журнале «Книга и революция», автор которой — хорошо знавший Паскаля историк И. С. Книжник-Ветров (их познакомил в конце 1917 г. отец Иоанн Дейбнер)²⁰. Автор подробно останавливается на двух письмах брошюры «Правда о красном терроре» и «Вечер среди контрреволюционеров». Он обильно цитирует Паскаля, сделавшегося на удивление автора коммунистом, принявшим целиком пролетарскую революцию, совершившего таким образом «душевный переворот», на который способны немногие, а также его «интересные заключения» после посещения вечера у Бердяева, и приходит к следующему выводу: «Книжка Паскаля действительно чрезвычайно интересна. Если принять в расчет недавнюю принадлежность ее автора к интеллигенции мистического устремления, то приходится сказать, что она является поучительным человеческим документом, свидетельствующим, что для отдельных представителей буржуазной интеллигенции полный и окончательный разрыв со своим классом возможен, если этому способствуют какие-нибудь чрезвычайные обстоятельства»²¹. Вот почему Книжник особенно рекомендует брошюру Паскаля «аполитичным» интеллигентам, профессорам, учителям, писателям, художникам, артистам, архивистам и т. п. Ведь и им, выражаясь словами Герцена, «надо раскрыть глаза, а не вырвать их, чтобы и они могли увидеть, если захотят»²².

Интересно сравнить оба этих текста, потому что интимный дневник и текст, написанный затем пропагандистом Паскалем для публикации и широкой французской публики, различны по категоричности суждений, критике и тональности. Если в первом он писал об интересной дискуссии в тепле буржуазного интерьера, несмотря на бессилие интеллигентов в борьбе, сожалея, что они рассуждают о большевизме, не понимая его сути, то во втором — хлестко пригвоздил бердяевских контрреволюционеров, правда, не упомянув о разногласиях докладчика-старообрядца и хозяина, и даже опустил личные оценки Бердяева. По сути, текст брошюры демонстрировал читателю признание интеллигентами власти Советов — «основной и фундаментальной силы», и большевизма — «общечеловеческого феномена» в измененной революцией системе ценностей.

В приложении ко второму, исправленному изданию книги Бердяева «Самопознание» (1983), которую после смерти автора как редактор готовила к печати его свояченица Е. Ю. Рапп, среди выпущенных в 1949 г. отрывков описываются вечера по вторникам в дни террора, где она опровергает некоторые наблюдения Паскаля, по сути обвиняя его,

а точнее, некоего «П» — автора заметки во французской газете, в причастности к первому аресту философа:

«В эти дни террора Н. А. находил, что духовное общение с людьми не должно прерываться, духовная жизнь не должна замирать. И, несмотря на запрещение всяких собраний где бы то ни было, в нашем доме читались доклады и обсуждались разнообразные духовные проблемы. Это был единственный дом в Москве, где каждый вторник собирались люди, принадлежавшие к разным направлениям, начиная с крайних левых и кончая крайне правыми, за исключением, конечно, большевиков. В нашей гостиной, в ледяной атмосфере, сидели приглашенные в полушубках и валенках. Весь ковер был покрыт лужами от таявшего снега. Чтобы немного согреть замерзших присутствующих, я разносила чашки с горячей настойкой из березовой коры, с маленькими пирожками из тертой моркови. Сахар отсутствовал. Как-то один из наших друзей принес из Румянцевского музея газету, полученную из Франции. В статье, помещенной в этой газете, автор, г-н П., доказывал, что во время большевистской революции в России была свобода слова, и подтверждал свою мысль тем, что у известного философа Бердяева каждый вторник собираются представители разных направлений и, сидя в комфортабельных креслах, обтянутых малиновым шелком, пьют чай из позолоченных чашек с вкусными пирожными и спокойно обсуждают разнообразные проблемы. Автор этой статьи был так наивен и так увлечен прекрасным коммунистическим мифом, что не подозревал, что за его статью Н. А. грозила в лучшем случае тюрьма. Думаю, что эти собрания были одной из причин его заключения. Быть может, все тем же автором была написана заметка, появившаяся в “Известиях”, где он писал, что на одном из четвергов у Н. А. Бердяева обсуждался вопрос: Антихрист ли Ленин или нет. Было решено, что не Антихрист, но лишь предшественник Антихриста»²³.

Однако, как верно замечает исследовательница жизни и творчества Паскаля С. Кёре, автор его первой полной биографии под названием «Пьер Паскаль. Россия между христианством и коммунизмом», ни один имеющийся в распоряжении источник не доказывает этой причинно-следственной связи; кроме того, Паскаль предпринимал попытки во что бы то ни было предотвратить изгнание из России интеллигентов, которых он знал лично²⁴. В третьем томе «Русского дневника» Паскаль подробно описывает высылку «перворазрядных ученых и светлых личностей», в том числе и Бердяева²⁵.

В 1927 г. в дневниках Паскаля, уже к тому времени разочаровавшегося в революции и перспективе усовершенствования большевизма за счет христианской идеи и окончательно порвавшего с партией, вновь фигурирует имя Бердяева. 15 марта он отмечает: «В “Советской энциклопедии”, 5 том, в статье о Бердяеве Луппол пишет: “...оказался в Германии в 1922 году...”: он не посмел или они не осмеливаются говорить, что он был сослан!»²⁶ 5 августа 1927 г., будучи сотрудником Д. Б. Рязанова в Институте Маркса-Энгельса, Паскаль «случайно» на столе найдет книгу «старого знакомого» Бердяева «Философия неравен-

ства», написанную в 1918 г., а опубликованную лишь в 1923 г. в Берлине. После беглого просмотра содержания он запишет:

«Эта “философия” правильная, но метафизика и апокалипсис — очень особенный способ мышления. Он делает обсуждение невозможным, однако отражает многие истины. Так, Бердяев констатирует, что власть непонятна, непростительна с точки зрения здравого смысла, необъяснима мотивами общественного интереса или других подобных. Откуда берется право властвовать? От Бога или дьявола? Россия — это и Европа, и Азия, для того, чтобы ее понять, не надо быть ни славянофилом, ни западником; она — женское начало, ищущее мужское вне самой себя, она не смогла достичь идеального гермафродитного состояния. У нее отсутствует сильная дисциплина как в Латинской Церкви, которая предотвращала бы от слишком низкого падения. Отсюда ее непротивление, ее падение в трудные времена. Что касается войны, Бердяев нападает на пацифистов: они воображают себе, что весь человек — это физическое тело, оставаясь равнодушными, когда убивают душу, рассудок»²⁷.

Вновь Паскаль и Бердяев встретились уже во Франции, когда в марте 1933 г. Паскаль с женой Женни Русаковой все же вернулся на родину из советской России. Он становится желанным гостем и завсегдатаем «бердяевских воскресений» в Клараре. Причем именно Бердяев первым начал искать встречи со старым знакомым по революционной Москве как напрямую, так и через посредников. В архиве Института славяноведения в Париже в подборке Паскаля писем Бердяева первым значится почтовая карточка без даты за подписью Натали²⁸, которая, обращаясь к некоему профессору, просит его посодействовать в организации встречи двух интеллектуалов: «Профессор, Николай Бердяев очень бы хотел повидаться с Месье Пьером Паскалем и просит его прийти или же назначить встречу, предупредив заранее об этом письменно». Затем в тексте указан адрес Бердяевых в парижском предместье Кларар, и в качестве заключения следует напоминание: «Месье Пьер Паскаль посещал Г-на Бердяева в Москве, он должен об этом помнить. Скажете ему об этом?»²⁹ Следующим идет уже письмо от самого Бердяева, датированное 7 июня 1933 г. «Уважаемый Месье! Я буду весьма рад вновь вас видеть, и беседа с вами меня очень интересует. Могли бы вы приехать в пятницу 9 июня около четырех с половиной часов? Трамвай № 89 едет напрямую в Кларар на нашу улицу Сен-Клу. Я вас жду. Если же вы не сможете приехать, напишите мне. С большой к вам симпатией, Николай Бердяев»³⁰. В другом письме Бердяев, приглашая Паскаля на встречу, пояснял: «Среди нас будет несколько Русских, круг близких людей, которые очень хотят послушать ваш рассказ о советской России. Речь не идет о докладе, скорее простая беседа, которую разделит избранная публика»³¹. Как потом вспоминал сам Паскаль: «Я мог многое рассказать, но те, кто действительно хотел знать, были столь малочисленны...»³².

Их общение в эмиграции становится регулярным (по сравнению с двумя визитами в советской России), а переписка уже с зимы 1933 г. ведется исключительно на русском языке. Причем письма их жен 1936–1938 гг. более объемны и изобилуют эмоциями (кроме того, Лидия Юдифовна вела переписку и с Мартой Паскаль³³, которая в свою очередь в письмах к Женни Паскаль упоминает о встречах с мадам Бердяевой³⁴). Из них становится понятнее степень близости дружественных отношений русской и русско-французской супружеских пар. Так, Лидия Бердяева обращалась к Женни Паскаль: «дорогая Женичка», или же: «дорогая Евгения», а к двоим — «милые друзья», подписывала же письма «сердечно Ваша». В текстах встречаются теплые слова, такие как: «шлем сердечный привет», «целуем», «до свиданья, милые друзья», «удовольствие приехать к Вам», «целую и шлю от всех привет Вам и Петру Карловичу». Также она писала и об эмоциях мужа: «Будем ждать Вас с фотографом³⁵ к полчетвертого. Н. А. заранее радуется этому событию», всегда подробно рассказывала о состоянии здоровья и делилась новостями: «Все субботы заняты у Н. А., один художник пишет его портрет». В мемуарах Л. Ю. Бердяевой «Профессия: жена философа» можно прочитать свидетельства регулярных и близких отношений Бердяевых и Паскалей в эмиграции:

«Четверг, 1 ноября (День Всех Святых) 1934. Странная встреча! К чаю приехали к нам Натали (Секерина) и с ней Евгения Паскаль (жена Пьера — бывшего коммуниста) [и Марта Паскаль. С Мартой я должна была познакомиться уже давно. Она приглашала к себе меня и Н. А. и давно хотела познакомиться. Но мы к ней не поехали, что-то помешало, да мы и вообще часто уклоняемся от новых знакомств, слишком много и так людей вокруг нас. Но на этот раз, видимо, это знакомство должно было устроиться, и Марта П. сама приехала]. И вот из разговора с ней я узнала нечто, весьма меня удивившее. Оказывается, что она (очень деятельная католичка) посещает в Clamart'e новую общину, всего год как основанную, что во главе этой общины — священник, который на собраниях общины читает книги Н. А. для изучения современных проблем и, главным образом, коммунизма. Марта П. рассказала мне многое об этой общине, и дух ее показался мне таким непохожим на все, что я знаю до сих пор, таким новым, нужным, что я слушала ее с большим интересом. Марта П. хочет познакомить меня с abbé (фамилию не помню) и попросить разрешения и меня повести на чтения в этой общине»;

«Пятница, 21 дек. 1934. За нами зашла M-me Pascal, и вместе с ней мы пошли к abbé Lamain, кот. живет недалеко от нас. Он настоятель одной общины католических сестер. Давно хотел познакомиться с Ни. Читал его книги и интересуется ими. Живет при общине. Рядом маленькая старинная капелла. Произвел на меня впечатление умного [симпатичного], но сухого. Расспрашивал Ни о России, о режиме большевиков. Пишет книгу о конституции и возмущается тем, что фр. правительство разрешает это безобразие»;

«Воскресенье, 25 декабря. 1934. Вечером у нас: М-г и М-ме Pascal (он бывший коммунист, приговоренный к смерти во Франции, т. к. во время войны перешел на сторону России и стал коммунистом). В течение 12 лет был в партии, но затем разочаровался и вернулся, благодаря хлопотам за него, во Францию). [И он, и она очень симпатичные];

«Воскресенье, 3 февраля. 1935. В 5 ч. у нас кое-кто из французов... и Pierre Pascal (бывший коммунист) с женой. Говорят больше о национализме, о Гитлере. В общем — оживленно и просто»;

«Среда. 13 февраля. 1935. Погода такая мерзкая, что я отменяю визит к М-ме Pascal (увы! уже третий раз)»;

«Воскресенье, 17 марта. 1935. У нас к 5 ч. Pascal с женой»;

«Воскресенье, 31 марта. 1935. Несмотря, однако, на отмену этого воскресенья, пришли милые Pascal'и (муж и жена) и П. К. Иванов. Петр Константинович говорил им о книге, кот. он пишет: о святости»;

«Воскресенье, 10 ноября. 1935. К чаю у нас: И. И. Фондаминский, Pierre Pascal (бывший коммунист)...»;

«Воскресенье, 9 февраля. 1936. К 5 часам у нас собираются Pierre Pascal с женой...»;

«Воскр., 8 марта 1936. К 5 ч. у нас: Л. Шестов... Паскаль с женой... Тема, конечно, волнующая всех — Гитлер и его наглый вызов Франции»;

«Воскресенье, 31 мая (Троица). 1936. В 5 ч. у нас: Pascal с женой и их другом молодым рус. художником, Mr. Parain³⁶ с женой»;

«Ноября 29-е 1936. У нас к чаю: Вышеславцевы, Паскаль с женой... Ни говорит о своей статье о книге Жида ("Поездка в СССР"). Он написал ее по просьбе Керенского для "Новой России"»;

«Август 1937. В воскресенье были у нас милые Паскаль»³⁷.

Почтовые открытки Бердяева, адресованные Паскалю, касаются в основном будущих встреч и краткого обсуждения текущих дел. Отправитель почти всегда подписывался как «Преданный Вам Николай Бердяев», хотя встречаются и варианты: «Ваш Николай Бердяев», «Душевно преданный Вам Николай Бердяев». В одной из приписок к письму Бердяев дает понять, что их спор на предыдущей встрече, видимо, настолько был жарким, что он вынужден еще раз прояснить ситуацию: «P. S. Я знаю, Вы "за народ", а не "за научный капитал"»³⁸. Очевидно, что, по сути, Паскаль своим личным примером отвечал на «основной вопрос», поставленный намного позже Бердяевым в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937): «Можно ли быть коммунистом, членом партии и вместе с тем верующим, христианином, можно ли разделять социальную программу коммунизма и не разделять коммунистического миросозерцания, не быть диалектическим материалистом и безбожником?»³⁹ И этот феномен Паскаля интеллектуалы не могли не обсуждать

ни тогда, ни сейчас. Однако теперь, по возвращении на родину, Паскаль занял позицию наблюдателя, а потому, по мнению С. Кёре, и не хотел публично дискутировать с Бердяевым, который как раз активно занялся вопросами смысла русского коммунизма и его отношения к религии, связи между христианством и большевизмом, потому что это возвращало его к собственному образу 20-х гг.: парадоксальному образу «христианского большевика»⁴⁰.

В переписке, датированной январем-февралем 1937 г., Бердяев пишет о городе Лилль: «Я получил письмо от декана Университета в Лилле и должен на него ответить. Но я не могу разобрать его фамилии. Очень прошу Вас по возможности скоро сообщить мне фамилию декана, он кажется профессор философии. Буду благодарен»; «Что я должен делать, приехав в Лилль на вокзал»; «Путешествием в Лилль я был вполне доволен. Об этом поговорим»⁴¹. Речь идет о лекции Бердяева, организованной по инициативе Паскаля в местном университете: «В 1936 году, когда я советовал пригласить Бердяева на факультет словесности Университета в Лилле, то не стал сообщать о его нервном тике, публика, как мне говорили, была сильно потрясена. Лекция, к тому же недостаточно подготовленная, не имела успеха»⁴². Как вспоминала Лидия Бердяева: «6 февраля. 1937. Ни уехал утром в Лилль читать публичную лекцию о Толстом по приглашению Лилльс. университета. Вернулся в 11 ч. ночи. Лекцией очень доволен. Аудитория большая (около 500 человек). Говорил по-франц. “Я импровизирую лучше, с большим подъемом, — говорит он. — Когда готовлюсь — выходит хуже”»⁴³.

Несмотря на схожесть взглядов и положительную оценку Бердяевым личности Паскаля, француз относился к учению русского философа достаточно критично, решительно отказывая ему в целостности и внутреннем единстве, подразделяя процесс изменения его взглядов на периоды. В 1948 г. в рецензии на сборник статей Бердяева «На пороге новой эры» (1946) Паскаль в заключении сделает следующий вывод: «Философом в западном понимании Бердяев был меньше чем мудрецом на греческий или русский манер, и это соответствовало его характеру, который был не только благородным и щедрым, но еще и импринтинговым в этимологическом и благоприятном смысле данного слова»⁴⁴.

В так и не вышедшем в эфир видеоинтервью Ж. Нива (1970) для знаменитого документального телесериала «Архивы XX века», продюссируемого известным французским критиком Ж.-Ж. Маршаном, на вопрос ведущего про Бердяева Паскаль пояснил: «Я знал Бердяева, даже был у него на маленьких собраниях в тесном кругу. Бердяев был человеком, который часто в течение своей жизни менял идеи. Он был очень восприимчив к текущим событиям, что достаточно странно для человека мыслящего, для философа. Совсем не обзореая реальность в целом, он был в нее погружен. Так, он был марксистом во времена, когда все были марксистами, это было в самом начале 90-х годов,

затем он стал идеалистом, правда, с немного расплывчатыми представлениями. Затем у него был период, когда он стал правоверным, слишком православным, это не продлилось долго. После Бердяев отдался революции. А в эпоху, на которую пришлось наша встреча, то есть после Октябрьской революции, он совершенно сменил путь на апокалиптический, приговаривая: “Все плохо, это конец света”. Чуть позже за границей он напишет книгу, которая опровергает абсолютно все, что он писал ранее, под названием “Философия неравенства”. Автор был совершенно вдохновлен философией Жозефа де Местра, он даже расхваливал войну и, впрочем, даже это было эпизодом в его карьере, затем он вновь переменит взгляды. Я, стало быть, знал Бердяева в его апокалиптический период»⁴⁵.

В беседе с русистом, исследователем проблем русской эмиграции и культуры России Н. А. Струве (1980) Паскаль повторит свое отношение к «периодичности» мировосприятия Бердяева:

«Н. С. — А в эмиграции с кем Вы были близки?

П. П. — Бердяева я еще знал и в России, в один из его “периодов”. А у него было много периодов. Тогда это был период мистический, апокалипсический, долго он не длился, но вылился в “Философию неравенства”, с которой я не целиком согласен.

Н. С. — С Бердяевым никогда нельзя быть согласным вполне...

П. П. — Да, я с ним всегда спорил. Когда мы с женой приехали из Советской России, он меня расспрашивал, я ему рассказал все как есть. Он был огорчен: “Значит, Вы ничего не нашли там положительного”. — “Ничего. Все испорчено, исковеркано. Даже образование, оно не приводит к свободной мысли, а к забиванию мозгов”. Но я его не убедил.

Н. С. — Тогда начинался его романтический период...

П. П. — Это было в 1933 г. Обыкновенно он мыслил правильнее. С его идеей о том, что не надо выбирать между коммунистами и капиталистами, я согласен. Потом наступила война. В начале он был философски спокоен, но когда Гитлер напал на Россию, он вдруг сделался бешеным советским националистом. Тогда я перестал его видеть. Он был наивен как ребенок. Вокруг него была банда советизанствующих, которые его убеждали в разных сказках. Он гордился “Катюшами”! Но под конец жизни все же протрезвел»⁴⁶.

Паскаль, бесспорно, уважал Бердяева как личность и собеседника, стараясь объяснить его «периоды», и до последнего не отворачивался от философа и не клеймил его, как это порой делали многие эмигранты, на принявшие перемены взглядов Бердяева. В 1975 г. на коллоквиуме в Сорбонне в честь столетия со дня рождения Бердяева, организованном Ассоциацией им. Николая Бердяева (частная организация, созданная свояче-

ницей философа Е. Ю. Рапп в 1951 г.) и лабораторией славистики Института славяноведения, профессор Паскаль возглавил утреннее заседание, заявив тему своего выступления: «Воспоминания о Бердяеве-человеке»⁴⁷, уточнив, что «мой сюжет более общий, потому что я намерен говорить о человеке»⁴⁸.

Как свидетельствует переписка, общение интеллектуалов после 1938 г. пошло на спад, а в 1943 г., согласно воспоминаниям Паскаля, и вовсе прекратилось: он так и не смог принять очередной бердяевский «период», начавшийся в связи с войной⁴⁹, характеризующийся фанатичным патриотизмом и наивными просоветскими представлениями. Несмотря на разрыв дружеских отношений, Паскаль не исключает Бердяева и его творчество из сферы своих научных интересов. Он продолжает публиковать рецензии на его работы, писать статьи, в том числе для энциклопедий; выступает на конференциях. В лекциях в Сорбонне по истории России и феномене русской религиозной философии профессор-русист не обходится без ссылок на старого знакомого; в интервью, когда Паскаля расспрашивают о дружбе с русским философом, комментирует свое к нему отношение; наконец, собирает вырезки из газет и статьи, книги других авторов о Бердяеве для своего личного архива и библиотеки⁵⁰.

¹ Статья публикуется при поддержке РФФИ, грант РФФИ 15-24-08001 ам. Автор выражает благодарность П. Гонно и С. Асланову за предоставленные материалы из Архива парижского Института славяноведения и профессору Университета Париж-VII С. Кёре за помощь в ходе работы.

² Так Пьера Паскаля за «идеализацию русских достоинств» называл отец И. А. Дейбнер: *Pascal P. Mon journal de Russie. A la mission militaire française. 1916–1918. Lausanne, 1975. P. 178.*

³ Ibid. P. 104.

⁴ Ibid. P. 108.

⁵ Ibid. P. 137.

⁶ Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (далее — BDIC), Archives de Pierre Pascal. F delta rés 883 (1) (6). Счеть поручику Паскаль, 29 мая 1917 года. Книжный магазин И. А. Тузова. Въ С.-Петербургъ. Садовая ул., Гостиный Дворъ, № 45.

⁷ *Pascal P. Mon journal de Russie. 1916–1918... P. 270.*

⁸ Мальфитано Джованни (1872–1941) — итальянский общественный деятель, сотрудник и заведующий лабораторией в Институте Пастера в Париже. См.: Архив Российской Академии наук. Ф. 584. Мечников Илья Ильич, (1845–1916). Оп. 2. Биографические документы Мечникова И. И. Д. 239. Оттиск статьи Е. Позерского о Giovanni Malfitano (1941).

⁹ *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 272.

¹⁰ *Серж В.* От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., 2001. С. 175.

¹¹ *Тамборра А.* Католическая церковь и русское православие. Два века противостояния и диалога. М., 2007. С. 441.

¹² См. подробнее: *Паскаль П.* Русский дневник: Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург, 2014. С. 5–21.

¹³ *Pascal P.* Mon journal de Russie. En communisme 1918–1921. Lausanne, 1977. P. 119.

¹⁴ Французская коммунистическая группа в Москве, сложившаяся в сентябре 1918 г. при Федерации иностранных групп, основанной ЦК РКП(б), и Наркомате иностранных дел, секретарем которой был Паскаль до того момента, как его обвинили в двойственности позиций: Н. И. Бухарин утверждал, что у Паскаля «в голове полная каша от стремления примирить непримиримое: “Сумму Теологии” и “Капитал” Маркса».

¹⁵ *Pascal P.* Mon journal de Russie. En communisme. P. 119.

¹⁶ *Ibid.* P. 136.

¹⁷ В 1970-е гг. Паскаль собственноручно готовил к печати сделанные в России записи, снабжая их необходимыми комментариями и примечаниями. Текст о его встрече с Бердяевым в 1920 г. опубликован во втором томе «Русского дневника» (1977), ему предшествовало выступление Паскаля на коллоквиуме о Бердяеве (1975), которое позднее было также напечатано в виде текста (1978). В докладе Паскаль привел отрывок из записей в более сжатом виде, однако два момента в текстах различались — здесь они указаны в квадратных скобках.

¹⁸ *Pascal P.* Mon journal de Russie. En communisme 1918–1921. P. 120–121.

¹⁹ *Pascal P.* En Russie Rouge. Lettres d'un Communiste français. Pétrograd, 1920.

²⁰ Подробнее см.: *Cœuré S.* Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme, Lausanne, 2014, P. 75–79; *Паскаль П.* Русский дневник... С. 417–420.

²¹ *Книжник И.* Французский интеллигент о Советской России // Книга и революция. 1921. № 10–11. С. 14; Копия статьи — BDIC F delta rés 883 (2–1) (6).

²² Там же. С. 15.

²³ *Ранн Е. Ю.* Мои воспоминания / *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 2004. С. 324.

²⁴ *Cœuré S.* Pierre Pascal. P. 173.

²⁵ *Pascal P.* Mon journal de Russie. Mon état d'âme (1922–1926). Lausanne, 1982. P. 78–80.

²⁶ *Ibid.* P. 76.

²⁷ “Lettre de Moscou” par XXX // Bulletin communiste. 1927. № 20–21. Juillet-septembre, rééd. in *Russie 1927* sous le titre “Le socialisme au village” // *Pascal P.* Mon journal de Russie. 1927. Lausanne, 1986. P. 170.

²⁸ Вероятно, речь идет о Наталии Валерьяновне Секериной (1877–1958), возлюбленной А. Н. Скрыбина, которую Л. Ю. Бердяева часто упоминает в мемуарах, написанных в эмиграции в Париже.

²⁹ Archives de l'Institut d'études slaves (Paris). Fonds P. Pascal. Carton 2, lettres de Nicolas et Lidia Berdiaev, 1933.

³⁰ Lettre de Beriaev à Pascal. 1933. 7 juin. Clamart (Seine). Archives de l'Institut d'études slaves. Carton 2. lettres de Nicolas et Lidia Berdiaev.

³¹ Цит. по: *Cœuré S.* Pierre Pascal. L'amour de la Russie, entre christianisme et communism / Mémoire pour le diplôme d'habilitation à diriger des recherches. Université Paris I-Panthéon-Sorbonne, 2010. P. 313; BDIC. F delta rés 883 (3) (4) 2 lettres de Berdiaev, 1938 (en russe); Archives de l'Institut d'études slaves. Correspondance 1933–1938, passim.

³² *Pascal P.* Berdiaev: l'homme // Colloque Berdiaev. Sorbonne, 1975. 12 avril. Ed. Jean-Claude Marcadé. Institut d'études slaves, 1978. Paris. P. 16.

³³ В мемуарах Л. Бердяева называет Марту Паскаль сестрой Паскаля. Однако это ошибка. Пьер был единственным ребенком в семье, а Марта Паскаль была его двоюродной тетушкой — женой одного из его дядей (братьев отца: Пьера, Антуана или Густава). Скорее, одного из первых двух, живших в Париже. См.: BDIC.

F delta res 883 (3) (5). Parents. — Марта Паскаль была очень набожной, и стала крестной матерью Женни Русаковой при обращении той в католичество в 1940 г.

³⁴ Archives de l'Institut d'études slaves. Carton 5. Tante Pascal. Lettres de M.Pascal à Jenny Pascal.

³⁵ В архиве П. Паскаля сохранились 5 его фото с женой и четой Бердяевых: BDIC. F delta res 883(8) (9). Photographies non datées. 5 photos chez Berdiaev.

³⁶ Борис Аристид Парэн (1897–1970) — французский писатель, философ, эссеист, специалист по русской и немецкой литературе, некоторое время сотрудничал в «Юманите», в 1925–1926 гг. возглавлял Культурную миссию Посольства Франции в Москве, где и женился на Н. Г. Челпановой — дочери философа Г. И. Челпанова. Его лекции в Киевском университете и домашние собрания посещал в студенческие годы Бердяев.

³⁷ *Бердяева Л. Ю.* Профессия: жена философа. М., 2002. С. 37, 59–60, 61, 82, 87, 98, 102, 123, 137, 1416, 147–148, 165, 181.

³⁸ Письмо Бердяева Паскалю. 29 января 1935 года. Кламар. Archives de l'Institut d'études slaves. Fonds P. Pascal. Correspondance. 1933–1938, passim.

³⁹ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS. 1955. М., 1990. С. 134.

⁴⁰ *Coeuré S.* Pierre Pascal, ancien bolchevik et professeur de russe: un témoin détourné de l'URSS contemporaine dans la France des années 1930 // Французы в научной и интеллектуальной жизни России (XVIII–XX вв.). М., 2010. С. 286.

⁴¹ Письмо Бердяева Паскалю. 15 января, 21 января, 31 января, 25 февраля 1937 г. Кламар. Archives de l'Institut d'études slaves. Ibidem.

⁴² *Pascal P.* Berdiaev: l'homme... P. 12.

⁴³ *Бердяева Л. Ю.* Профессия: жена философа. С. 170.

⁴⁴ *Pascal P.* Nicolas Berdiaev. Au seuil de la nouvelle époque // Paru. L'actualité littéraire, intellectuelle et artistique. 1948. № 43. Juin. P. 100–102.

⁴⁵ Archives du XXème siècle. Pierre Pascal (1890–1983), réalisées par P.Brissot, réunies par J. J. Marchand. Entretiens entre Pierre Pascal et Georges Nivat en 5 parties filmés entre 1969–1974, date du tournage à Neuilly les 20 novembre et 4 décembre 1970. Partie 4. Paris, 1974. [Source audiovisuelle].

⁴⁶ *Паскаль П.* О причинах революции 1917 года (беседа с Н. А. Струве) // Вестник Русского христианского движения. 1980. № 132. С. 262–263.

⁴⁷ Текст доклада также был напечатан в сборнике Ассоциации: *Pascal P.* "Berdiaev — l'homme", Colloque Berdiaev tenu 12 avril 1975 à la Sorbonne, Bulletin de l'Association Nicolas Berdiaev. 1978. № 5. — Немецкий исследователь российской философии и протестантский пастор Клаус Бамбауер в 2000 г. в сообществе «Русская духовность: дискуссионный форум» (1999–2002) опубликовал выдержки этого доклада на английском языке. См.: Personal reminiscences Personal Reminiscences by Pierre Pascal of N. Berdjajew. Extracts from a paper to the Colloque Berdiaev, Paris, 1975.

⁴⁸ *Pascal P.* Berdiaev: l'homme... P. 9; BDIC. F delta rés 883(29) (2). Dossiers de notes de P. Pascal.

⁴⁹ Le Paris des étrangères depuis 1945 / sous la dir. A.Marès et P. Milza / Pub. de la Sorbonne, 1995. P. 193–194.

⁵⁰ BDIC. F delta rés F delta res 883(29) (2). Résumé chronologique de la vie de Berdiaev; Le concept de la liberté chez Berdiaev et Berdiaev orthodoxe; l'essai de Jean de Miollis "Le message de Nicolas Berdiaev: 1874–1948. Introduction à la philosophie de Berdiaev" (1969). BDIC. F delta rés 883(9) (5). Berdiaev Nicolas Alexandrovitch, 1874–1948, Dictionnaire mondial de la littérature (1973); Berdiaev est un penseur russe... (1976); Les idées de N. Berdiaev sont bien connu...

УДК 1(091): 140.8

Данилова О. С. Николай Бердяев и Пьер Паскаль: русско-французские встречи и воспоминания. 1918–1935 // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 183–198.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется история знакомства и дружеские взаимоотношения двух интеллектуалов: Николая Бердяева и Пьера Паскаля. Впервые они лично пересеклись 2 апреля 1918 г., когда Паскаль был приглашен на традиционный вечер к русскому мыслителю. Затем, до высылки Н. А. Бердяева из России, они еще раз встретились лишь однажды, 8 января 1920 г., о чем Паскаль оставил детальную запись в своем дневнике. Эта запись, впрочем, отличается от статьи пропагандиста Паскаля «Вечер у контрреволюционеров», которую он по итогам бердяевского вечера написал для агитационной брошюры для Запада «В Красной России». Вновь они увиделись уже во Франции, когда в марте 1933 г. Паскаль с женой вернулся на родину из советской России. Супруги стали желанными гостями и завсегдатями «бердяевских воскресений» в Клараме, о чем свидетельствуют мемуарные записи Лидии Бердяевой. Однако после 1938 г. общение сошло на нет. Паскаль, знающий реальное положение дел в СССР до своего отъезда, не смог принять фанатичный патриотизм и наивные просоветские представления Н. А. Бердяева. Несмотря на это, Паскаль не исключает Бердяева и его творчество из сферы своих научных интересов. В статье приводится оценка французом философии и различных работ русского мыслителя. Воспоминания из «Русского дневника» о Н. А. Бердяеве, опубликованные на французском языке работы Паскаля о нем или его упоминающие, документы его личных фондов и переписка из французских архивов составляют основу данной статьи. Все эти материалы, впервые полностью переведенные на русский язык, существенно дополняют сведения фонда Н. А. Бердяева в Российском государственном архиве литературы и искусства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мемуары, интеллектуалы, бердяевские вечера, Николай Бердяев, Пьер Паскаль, Жени Русакова, Лидия Бердяева, Россия, Франция.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, ассоциированный исследователь лаборатории «Идентичности, культуры, территории», Университет Париж VII им. Д. Дидро (Париж, Франция); cerhla@gmail.com

Danilova O. S. Nikolai Berdyaev and Pierre Pascal: Russian-French Meetings and Reminiscences. 1918–1935

ABSTRACT: This paper analyses the way two intellectuals, Nikolai Berdyaev and Pierre Pascal met and lived a friendship relation. They first met in April 2nd 1918, the Russian thinker Berdyaev invited Pascal at his home, during one of those traditional Tuesday evenings that he used to organize. Before Berdyaev's exile from Russia, they met each other again only once, in January 8th 1920, Pascal left a detailed account of this in his diary. This report from Pascal nevertheless is different compared to the article "Evening at the counterrevolutionaries" written by propagandist Pascal for the Western for propaganda booklet called "In Red Russia". Later, they saw each other and were welcomed again in France, when in March 1933 Pascal returned from Russia with his wife. As Lidia Berdyaev's memoirs and testimonials attest, the couple became accustomed to Berdyaev's Sundays in Clamart. Nevertheless, after 1938 their relationship declined. Pascal who knew the Soviet reality from before leaving the USSR could not accept Berdyaev's fanatical patriotism and naive pro-Soviet ideas. Despite of this, Pascal did not exclude Berdyaev's philosophical work of his scientific interests. The paper presents how the French appreciated at its true value, the various works of the Russian thinker. Pascal's memoirs "My Russian newspaper", Pascal's work on the Berdyaev and those published in French mentioning him; Pascal's personal documents or correspondence preserved at the French archives are the basis of this article. All these materials, translated for the first time in Russian, make an addition to Berdyaev information fund at the Russian State Archive of Literature and Arts.

KEYWORDS: memoires, intellectuals, meetings at Berdyaev's, Nicolai Berdyaev, Pierre Pascal, Jenny Rusakova, Lidia Berdyaeva, Russia, France.

AUTHOR: Candidate of History, Associate researcher of Laboratory "Identities-Cultures-Territories", Paris Diderot University (Paris, France); cerhlaf@gmail.com

REFERENCES:

- ¹ Pascal P. *Russkii dnevnik. Vo frantsuzskoi voennoi missii* (Ekaterinburg, 2014).
- ² Pascal P. *Mon journal de Russie. A la mission militaire française. 1916–1918* (Lausanne, 1975).
- ³ Pascal P. *Mon journal de Russie. En communisme 1918–1921* (Lausanne, 1977).
- ⁴ Coeuré S. *Pierre Pascal. La Russie entre christianisme et communisme* (Lausanne, 2014).
- ⁵ Danilova O. "Pierre Pascal — politicheskii i duhovnyi put, po materialam frantsuzskih arhivov" in *Rossiya i Frantsiya XVIII–XX veka*, Iss. 10 (Moscow, 2011).
- ⁶ Berdyaev N. *Samopoznanie* (Moscow, 2004).
- ⁷ Pascal P. *En Russie Rouge. Lettres d'un Communiste français* (Petrograd, 1920).
- ⁸ Pascal P. 'Berdiaev: l'homme', *Colloque Berdiaev*. Sorbonne, 12 April 1975. Institut d'études slaves (Paris, 1978).
- ⁹ Berdyaeva L. *Professia: gena filosofo* (Moscow, 2002).